

АДМИНИСТРАТОР И ЕГО КОМАНДА

Кто они: проводники в зону или новые терминаторы?

Как-то, в ноябре прошлого года, один из руководителей Минчернобыля Украины в интервью корреспонденту «ВЧ» подчеркнул, что, мол, возглавить создаваемую Администрацию 30-километровой зоны отчуждения Чернобыльской АЭС должен человек имеющий широкие знания атомщика и эколога, хороший организатор и, немаловажная деталь, ранее не связанный с деятельностью организаций, занятых в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы.

Однако, спустя время таким руководителем стал бывший заместитель генерального директора НПО «Припять», а до аварии начальник смены Чернобыльской АЭС. Видимо, при окончательном обсуждении кандидатур на место начальника Администрации зоны у руководителей государства все же нашлись очень весомые аргументы в пользу В. И. ХОЛОШИ. С ним беседуют специальные корреспонденты «Вестника Чернобыля».

— Владимир Иванович, как мы понимаем, сейчас идет формирование команды начальника Администрации. По каким критериям будет производиться подбор людей в этот в общем-то своеобразный коллектив, учитывая уникальность места и характер работы?

— Критерием при отборе должны послужить те качества человека, которыми должен обладать государственный чиновник. Прежде всего это высокий профессионализм, компетентность, способность защитить государственные интересы. Также важны и сугубо человеческие качества, как-то порядочность, честность, добросовестность. Эту цепочку можно продолжить. Нам нужны специалисты в самом высоком понимании этого слова. Им предстоит работать не только в зоне радиационной катастрофы, что уже само по себе накладывает особую ответственность, но и в самом начальном этапе развития украинской государственности, в тисках политической нестабильности и экономического голода. Поэтому им будет вдвойне трудно, однако, если нам удастся подобрать людей с вышеприведенными качествами, то мы со временем с возложенной на нас задачей справимся. А главная задача — это минимизация последствий чернобыльской катастрофы. Как вы понимаете, говорить о ликвидации аварии в нынешних условиях не приходится.

— Вы не опасаетесь, что люди,

проработавшие в зоне отчуждения, скажем, 5 — 6 лет, в какой-то степени устали, на некоторых давит груз ошибок прошлых лет и смогут ли они полностью проявить себя в новой должности?

— В Администрации зоны уже сегодня работают люди как с богатым чернобыльским стажем, так и те, кто к работе в зоне отчуждения приступает только сейчас. То есть я не говорю, что работник Администрации должен обязательно отработать в зоне шесть лет. Прежде он должен быть классным специалистом, а сколько лет он здесь и работал ли вообще — дело второстепенное.

— Люди в Чернобыле теряют здоровье, некоторые руководители, на которых и Вы собираетесь опереться, имеют связь заболеваний с пребыванием в зоне радиационного загрязнения. И Вас это не пугает?

— Меня ничто не пугает. Тем более, что кандидаты в Администрацию начинают свое восхождение с тщательного медицинского осмотра, и только медицина вправе дать окончательный вердикт: способен ли человек по состоянию здоровья выполнять возложенные на него функции или нет. Третьего не дано.

— В свое время Минчернобыль Украины некоторые свои функции переложил на плечи ряда руководителей подразделений в 30-километровой зоне. К сожалению, нужно констатировать, что не все руководители с по-

ниманием отнеслись к такой доверчивости министерства, не однажды злоупотребляли своим должностным положением. Не считаете ли Вы, что пора навести порядок в этом вопросе и взять в руки Администрации контроль за перемещением материальных ценностей за пределы зоны?

— Пока принято решение оставить все так, как есть. По-прежнему потоки грузов в зону и из нее будет определять руководство НПО «Припять», конечно, в полном соответствии с Законом о правовом режиме зоны отчуждения. Ответственность за правильность прохождения грузов возложена на троих человек: генерального директора НПО «Припять» М. А. Седова, главного инженера И. А. Синюкова и заместителя генерального директора по общим вопросам Г. Г. Демина.

По производственному объединению «Спецатом» Минчернобыль остановился на таком варианте: все операции они должны проводить только под неусыпным оком министерства. Это связано с имевшимися ранее серьезными нарушениями «Спецатомом» установленных законов и инструкций в части сохранности материальных ценностей. Как начальник Администрации я не вижу необходимости снижать это положение.

— Коль мы уже подошли к разговору о функциях Администрации, хотелось бы уточнить такую деталь. На протяжении почти шести лет ликви-

дации чернобыльской катастрофы говорилось об отсутствии хозяина в зоне. Согласитесь, несмотря на устрашающую на первый взгляд колючую проволоку, зона по-прежнему остается бесхозной. С созданием Администрации изменится что-либо в этом направлении, станет ли она тем государственным органом управления, который будет полностью отвечать за эту территорию. Имеется в виду не только населенные пункты, но и леса, водоемы, поля и т. д.? Не получится ли так, что Администрация займет роль посредника между предприятиями и организациями зоны и Минчернобылем?

— Законом Украины определено, что земли зоны отчуждения выводятся из сельскохозяйственного оборота и отчуждаются. Другими словами Закон четко устанавливает ответственность Минчернобыля Украины за зону отчуждения. Но, и это нужно сказать откровенно, за шестилетний период после аварии никто этим вопросом не занимался. То есть в Законе записано одно, а в жизни эти земли остаются бесхозными, никем не управляемыми. Вот одной из главных задач Администрации и является совместно с Киевским и Житомирским областными Советами определить уровень компетентности и орган управления загрязненной местностью. Тогда можно и с кого-то что-то требовать.

Если на сегодняшний день с 10-километровой зоной и г. Чернобылем имеется определенность, то на остальной территории бывшего Чернобыльского района полное безвластие. НПО «Припять» за эту территорию ответственности не несет, не несет ответственности за правовой режим загрязненных земель и областные Советы, поскольку считается, что на них не живет гражданское население.

— А как практически Вы представляете уход за зараженной зоной отчуждения?

— Мы нацелены выработать научно обоснованные системы мониторинга и санитарно-профилактических мероприятий по поддержанию зоны в должном экологическом состоянии, где будут отданы предпочтения комплексному решению всего спектра проблем. Раньше нам приходилось решать краткосрочные, локального характера задачи. Это скорее напоминало штурмовщину, лихую сабельную атаку на хорошо вооруженного врага: бессмысленно задействовали неограниченное количество людей, техники и пр. А целевой комплексной программы — что мы хотели бы увидеть в конечном итоге? — у нас не было.

На сегодня такая научно обоснованная программа (Окончание на 2 стр.)

ванная концепция вырабатывается, имеются кое-какие наметки, но принимать ее в целом, мне кажется, пока преждевременно. Будем считать, что мы ее выслушали в первом чтении.

Вы, наверное, знаете, что существует целый ряд предложений о дальнейшей судьбе 30-километровой зоны. Скажем, одни рассматривают зону отчуждения как мертвую, опоясанную рядами колючей проволоки территорию, может, за исключением некоторых видов мониторинга. Другие видят эту землю, так сказать, возродившейся из пепла: введение в строй третьей очереди Чернобыльской АЭС, развивающиеся различные виды промышленности, возвращение земель в сельскохозяйственное производство, наполнение зоны эвакуированными людьми. Думаю, ни первый, ни второй варианты на сегодня неприемлемы. Кстати, все варианты, которые сейчас серьезно рассматриваются — а их четыре: «карантин», «заповедник», «могильник» и «возрождение» — получают серьезное обсуждение и отработку лишь после того, как зону приведут в экологически безопасное состояние. А это реализация программы «Вектор», вывод Чернобыльской АЭС из эксплуатации, захоронение высокоактивных отходов и т. д. Более того, мне кажется, что истина, как это обычно и бывает, находится где-то посередине, может, эти варианты будут взаимодополнять друг друга, может, всплывет более совершенный проект, которому будет отдано предпочтение. В конечном итоге последнее слово останется за правительством Украины.

Однако давайте не забывать, что зону отчуждения делит с нами Беларусь, и наши действия и программы мы теснейшим образом должны согласовывать с правительством этого, также пострадавшего в результате чернобыльской катастрофы, государства. У белорусов имеется понимание, что координировать усилия заинтересованных сторон надо, что часть работ можно и нужно разделить, чтобы не получилось бессмысленного дублирования и излишних затрат материальных и финансовых ресурсов. Так, 7 апреля сего года, после совещания в вахтовом поселке Зеленый Мыс между Госкомчернобылем Беларуси и Минчернобылем Украины был подписан протокол, в котором обозначены главные направления совместной деятельности. Это, в частности, работы по совершенствованию охранно-режимных мероприятий, улучшению противопожарной обстановки в зоне отчуждения. Комиссиям к последующей встрече дано поручение подготовить материалы совместной работы по программе «Вектор».

Вы знаете, что в разработке программы «Вектор» участвовали не только организации России и Украины, но и Беларуси, поэтому там, где уже наработаны конкретные задачи — охрана природы, защита подземных и поверхностных вод, — дело нужно доводить до конца.

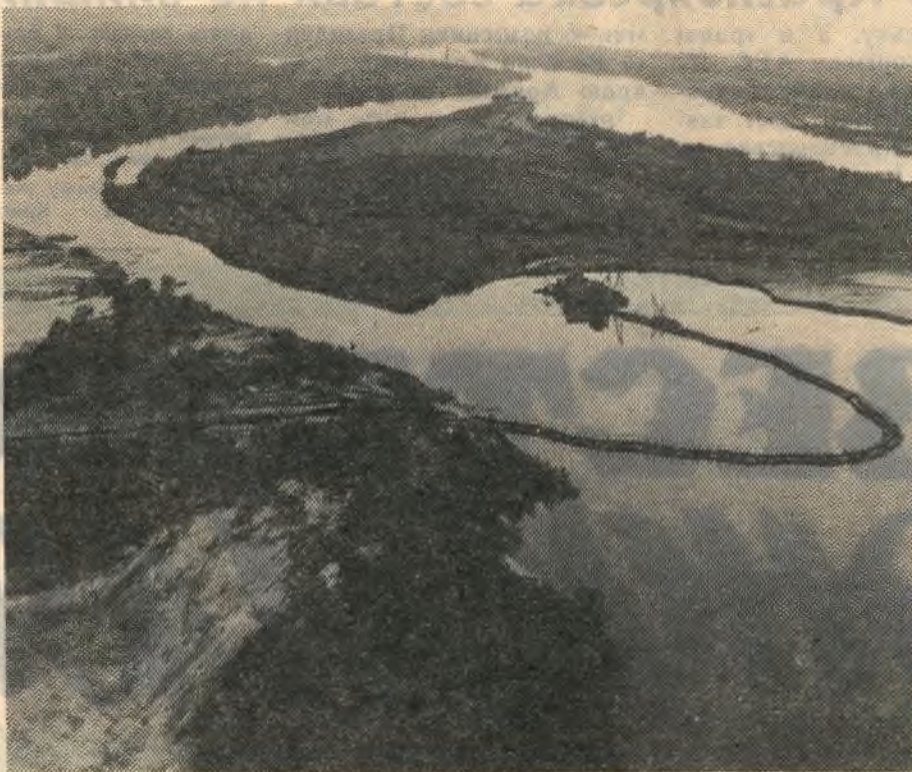
— У Ваших белорусских коллег планируется создание подобной Администрации или какого-то похожего органа?

— Да, что-то подобное в Беларуси создаваться будет. Но нужно учитывать, что правовые основы и законы Беларуси о режиме загрязненных территорий несколько отличаются от украинских. И задачи перед ними стоят несколько иные. Так сложилось, что на территории Беларуси нет ни Чернобыльской АЭС, нет ПО «Укрытие», нет более 800 могильников с высокоактивными отходами, нет «рыжего леса» — все это волею судеб досталось нам. Но громадные территории Беларуси загрязнены радиоактивными отходами и это сближает нас в беде. Они также заинтересованы в закрытии ЧАЭС, в том, чтобы находящаяся в зоне активность не распространялась на другие территории. Я бы сказал, что их задачи сводятся к решению хозяйственно-технологических проблем, но и органы государственного управления на загрязненных территориях также нужны.

— Владимир Иванович, несколько каверзных вопросов. Вы сами хотели стать начальником администрации зоны?

— Не скажу, что я горел желанием стать Администратором. Так получилось, что этой работой поручили заниматься мне. Что ж, будем работать, ведь в любом случае кто-то же должен этим заниматься. Я долгое время прожил на этой земле и до аварии, и после нее, и мне небезразлична ее судьба.

— Вы — Администратор, и лично от Вас зависят итоги деятельности многочисленных организаций в зоне

ЗОНА: ПРОБЛЕМЫ ЖДУТ РЕШЕНИЯ

АДМИНИСТРАТОР И ЕГО КОМАНДА

Кто они: проводники в зону или новые терминаторы?

по минимизации последствий чернобыльской катастрофы. Что бы Вы хотели увидеть по результатам Вашей работы в должности начальника Администрации?

— Что бы хотелось?.. Есть ряд стоящих перед Украиной проблем, которые замыкаются на 30-километровой зоне. Это захоронение и переработка радиоактивных отходов не только чернобыльского образца, но и тех, что получают при эксплуатации других атомных станций Украины. В этом вопросе хотелось бы скорее определиться, чтобы при составлении долгосрочных программ учесть и этот род деятельности в зоне.

Хотелось бы, чтобы полигон, в который превратила эту некогда прекрасную землю чернобыльская катастрофа, был стопроцентно использован наукой для наработки новых знаний и технологий, чтобы в будущем, не дай Бог случись подобная катастрофа, мы не предстали перед ней безоружными. Хотелось бы выполнить основную задачу: преградить перенос активности и уменьшить ее влияние на здоровье людей.

Еще одна важная проблема — недопущение загрязнения бассейна Днепра даже при самых катастрофических паводках. Хотелось бы, чтобы в зоне не встречались поваленные деревья, разбросанные где попало кучи мусора и пр., чтобы свести к минимуму пожары. Особенно болит голова о лесах. На территории зоны леса искусственного происхождения, за ними должен быть установлен постоянный контроль и уход. Этот лес уже сейчас требует активного вмешательства человека. Пожароопасность с каждым годом возрастает, необходимо создавать подразделения, которые бы занимались не только пожаротушением, но и санитарией лесных массивов. Может, мы сможем часть лесов использовать в хозяйственной деятельности.

И еще. Проблема с выводом атомной станции из эксплуатации, превращение объекта «Укрытие» в экологически безопасный объект, чтобы он больше не пугал людей не только Украины, но и всего мира. Хочу видеть реализованную программу «Вектор», чтобы полностью замкнуть цепочку обращения с радиоактивными отходами, которая до сих пор не замкнута, чтобы весь цикл сбора, транспортировки и захоронения РАО был сфокусирован в одних руках и отвечала за этот процесс лишь одна организация.

Но самое главное — минимизация коллективной дозы облучения людей, которые работают в зоне. Анализ необходимого количества работников в

зоне не проводился, мы этой задачей будем заниматься самым серьезным образом.

— Вы как-то стороной обошли проблему самоселов. Им Вы так или иначе придется заниматься.

— Я давно работаю в зоне, неоднократно встречался с этими людьми... С одной стороны Закон запрещает проживание на зараженной местности гражданских лиц, с другой — люди здесь живут. Причин такого положения несколько. Для некоторых из них зона все: привычный уклад жизни, любимая природа, знакомый ландшафт, межчеловеческие связи. То есть то, чего они были лишены в местах эвакуации. Притом на новых местах дома строились в спешке, низкого качества, и зиме не успели прогреться, люди мерзли; многие были переселены в степные регионы, неприемлемые для их души, некоторые должны были тесниться в домах по 2 — 3 семьи; долго муссировались разговоры о реэвакуации населения, — все это наложило отпечаток на сознание людей и некоторые из них решились возвратиться в родные места.

Сейчас на украинской части зоны проживают около 1000 человек. Это в основном пожилые люди, которых не страшит никакая радиация. Как говорится: «И дым отчества нам сладок и приятен». Исходя из собственного опыта, думаю, самоселов вряд ли удастся куда-то переселить, их нужно рассматривать в виде исключения из правил.

— Еще один вопрос, связанный с Вашим родным городом Припять. Какова его дальнейшая судьба?

— К сожалению, на сегодня концептуального решения по г. Припять нет. Что же сделано в этом направлении? Вы знаете, что был изобретен так называемый метод холодного консервирования, заключающийся в том, чтобы поддерживать дома в исправном состоянии: отключить водоснабжение, застеклить и загерметизировать все оконные и дверные проемы, отремонтировать крыши и водостоки, чтобы дом не сырел и не разрушался. Это один исходный вариант.

В этом году планируем в виде эксперимента попробовать разработать один из ветхих домов. Что из этой задумки получится — посмотрим.

Существует идея захоронения города как бы под себя при помощи взрывов. Некоторые предлагают разборку домов, дезактивацию строительных конструкций и использование их в народном хозяйстве. В настоящее время на территории города размещаются ряд подразделений НПО «Припять», ПО «Спецатом».

— Неоднократно поднимается вопрос о целесообразности размещения «Спецатома» в зоне отчуждения, а другие задаются другим вопросом: нужно ли вообще Украине это подразделение?

— Подход ко «Спецатому» должен быть взвешенным. То, что подобная организация в каком-то виде нужна — сомнений не вызывает. Что же касается всего остального... Я стою на такой точке зрения: если работы организации не связаны с минимизацией последствий катастрофы, то такой организации нужно искать место за пределами зоны и туда перебираться. Кстати, руководство «Спецатома» хорошо это понимает и делает все возможное, чтобы обустроить новую базу в более чистых местах. Считаю, оно верно и мудро поступает и буду поддерживать их решение.

— Во время нашего разговора Вы неоднократно подчеркиваете, что истина всегда находится где-то посередине. Это напоминает позицию одного Вашего коллеги, который вечно повторял: «Я левый центрист». Не кажется ли Вам, что следует проявлять большую решимость в проведении своей политики, а не занимать выжидательную, осторожную позицию?

— Во-первых, я словом не обмолвился, что занимаю усредненную позицию. Во-вторых, жизнь ежеминутно подтверждает, что решения революционного характера, как правило, дают сиюминутный эффект, часто не имеющие долгосрочной перспективы. Действительно, мы привыкли бросаться из одной крайности в другую; мы все пытались одолеть и превозмочь путем хирургического вмешательства, пренебрегая возможностями терапии. И, в-третьих, зона очень сложный механизм, кстати, не до конца изученный механизм, вбирающий в себя множество взаимосвязанных процессов и проблем. И если мы попытаемся выдернуть из этого конгломерата лишь какой-то один аспект и захотим его решать в оторванности от всех остальных, у нас ничего не получится. Поэтому, если мне удалось вас переубедить, что я не являюсь никаким «левым центристом», то тогда я свою задачу выполнил.

— Вы были атомщиком, достигли определенных высот в иерархии руководящих кадров Чернобыльской АЭС, а сейчас, можно сказать, перешли в противоположную ипостась, став, используя Вашу терминологию, государственным чиновником сферы экологии и управления. Не чувствуете ли Вы свою зависимость от прежней своей профессии и не скажется ли она отрицательно на Вашей нынешней должности?

— Да, это был немалый отрезок моей жизни... Работа в сложных технологиях, где мне приходилось работать, имеет свою красоту и привлекательность, и, пожалуй, это был не самый худший период в моей судьбе. Конечно, какой-то субъективный отпечаток на мое поведение это должно отложить, но то, что я хорошо знаю атомную станцию может сыграть только положительную роль. Прямой же взаимосвязи меня как атомщика и Администратора зоны я не вижу.

— В последнее время в средствах массовой информации нередки публикации о злоупотреблениях в 30-километровой зоне отчуждения. Часто авторами таких материалов являются работники Министерства внутренних дел и прокуратуры. Не было ли у Вас хоть один раз желания во весь голос воскликнуть: а чем сами они занимались все это время, кто им мешал наводить порядок в зоне?!

— Те проблемы, которые поднимаются в прессе, в том числе и работниками внутренних дел, не всегда подкреплены юридическими основаниями. Мы знаем о мародерстве, незаконном вывозе материальных ценностей, но я пока не знаю ни одного случая, чтобы преступник понес заслуженное наказание. Это говорит или о том, что некавалифицированное следствие, или о том, что наше законодательство несовершенно. Скорее всего нужно в уголовный кодекс внести существенные изменения и дополнения, которые бы способствовали улучшению правового климата в зоне отчуждения.

Кстати, эта проблема стоит перед Администрацией зоны. Если бы хоть один преступник был осужден, то преступные действия сократились бы наполовину. Пока же суды бездействуют, преступники спокойно разгуливают на свободе. Это факт, который, мне кажется, о многом говорит.

Беседу вели Николай ЛЯБАХ и Виталий РОМАНОВ, спец. корр. «Вестника Чернобыля». Из цикла «Зона». Фото В. САВРАНА.